

DOI 10.31250/2618-8619-2022-3(17)-98-109

УДК 069.1

Екатерина Сергеевна Шерстенникова

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-7622-050X
E-mail: KaterinaShers@mail.ru

Формы музейной коммуникации в МАЭ — ИЭ АН СССР в первой половине XX века

АННОТАЦИЯ. Музей — это пространство, где осуществляется осмысление и обмен информацией между музейным сотрудником, публикой и музейным предметом. Трансформация взаимоотношений музея и посетителя зависит от исторической обстановки, экономической ситуации, политических факторов. Проблемы выбора новых форм взаимодействия с посетителем, способов презентации и интерпретации культурно-исторического наследия разрабатываются в рамках теории музейной коммуникации. Музейная коммуникация — сложный процесс, который объединяет сотрудников музея и посетителя, проявляется в экспозиционно-выставочной, социокультурной и издательской деятельности. Опыт первого российского публичного музея и одного из крупнейших этнографических музеев мира Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН в области коммуникации с посетителем уникален. Анализируется коммуникационный процесс в МАЭ — Институте этнографии АН СССР в первой половине XX в. Опыт МАЭ, показывающий, как под воздействием разных факторов в конкретные временные периоды менялись организация, формы и методы презентации музейными средствами традиционных культур, ранее в таком аспекте не рассматривался. В первой половине XX в. в МАЭ создавались новые экспозиции и временные выставки, проводились экскурсии, работал лекторий, Радиоуниверситет. Выставочная и экспозиционная работа, издательская и лекционно-просветительная деятельность учреждения была прервана Великой Отечественной войной.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Музей антропологии и этнографии, Институт этнографии, отдел эволюции и типологии культуры, Радиоуниверситет, музейная коммуникация, просветительная деятельность

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шерстенникова Е. С. Формы музейной коммуникации в МАЭ — ИЭ АН СССР в первой половине XX века. *Кунсткамера*. 2022. 3(17): 98–109. doi 10.31250/2618-8619-2022-3(17)-98-109

Ekaterina Sherstennikova

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0001-7622-050X
E-mail: KaterinaShers@mail.ru

**Forms of Museum Communication at the MAE —
Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences
in the First Half of the 20th Century**

ABSTRACT. Museum is a place where comprehension and exchange of information between a museum professional, audience and a museum object is carried out. The transformation of the interaction between a museum and a visitor depends on the historical setting, the economic situation, and political factors. The problems of choosing new forms of interaction with the visitor, ways of presenting and interpreting cultural and historical heritage are being developed within the framework of the theory of the museum communication. The museum communication is a complex process that unites the museum staff and a visitor, it becomes apparent in exhibitions, socio-cultural and publishing activities. The experience of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, the first Russian public museum, one of the largest ethnographic museums in the world, in the field of communication with the visitor is unique. Under consideration is the communication process at the MAE / Institute of Ethnography in the first half of the 20th century. It is shown how the organization, forms and methods of presentation of traditional cultures by museum means changed under the influence of various factors. At that time, new MAE permanent and temporary exhibitions were created, new themes of excursions were developed, a lecture hall was opened, and a Radio University was organized. Exhibition, publishing, lecturing and educational activities were interrupted by the Great Patriotic War.

KEY WORDS: MAE, Institute of Ethnography, Department of Evolution and Typology of Culture, Radio University, Museum Communication, educational activities

FOR CITATION: Sherstennikova E. Forms of Museum Communication at the MAE — Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences in the First Half of the 20th Century. *Kunstkamera*. 2022. 3(17): 98–109. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2022-3(17)-98-109

В конце XIX в. ведущее положение среди музеев в России занимали музеи Академии наук, научных обществ, архивных комиссий. Они являлись научными учреждениями, хранящими ценности и популяризирующими знания среди неспециалистов. В 1879 г. на базе Анатомического и Этнографического музеев Императорской Академии наук был создан объединенный Музей антропологии и этнографии. Относящийся к ведению Академии и являющийся научным учреждением, этот музей открыл двери для ученых и широкой публики. Так как МАЭ был преемником первого государственного публичного музея России Кунсткамеры, то работа с широкой аудиторией и просвещение были заложены в его миссию еще Петром Великим. За первые пятьдесят лет существования музей опробовал различные формы коммуникации с аудиторией: создание экспозиций и выставок, организация экскурсионной и лекционной работы, издательская деятельность.

Теория музейной коммуникации была включена в круг проблем музееведения в середине XX в. Впервые рассматривать музей как особую коммуникативную систему предложил Д. Камерон, введя в 1968 г. в научный оборот понятие музейной коммуникации как процесса общения публики с музейными экспонатами, которые способны передать посетителю информацию (Самегон). В дальнейшем разработкой этой теории занимались музеологи: З. Странский, К. Хадсон, Ю. Ромедер, Е. А. Хупер-Гринхилл, Р. Стронг, А. М. Разгон, М. Б. Гнедовский, В. Ю. Дукельский, Ю. Э. Комлев, Ю. В. Зиновьева, О. С. Сапанжа, Л. М. Шляхтина, Е. Н. Мастеница и др. Несмотря на многообразие работ, посвященных проблемам музейной коммуникации, история работы с посетителями в МАЭ остается малоизученной.

О собственно музейной коммуникации в МАЭ можно говорить начиная лишь с конца XIX в., так как в первые десятилетия существования музея его коллекции использовались учеными, но были практически недоступны широкой публике. Первая экспозиция МАЭ, открытая в марте 1891 г., занимала два зала на втором этаже Флигеля в Таможенном переулке и демонстрировала этнографические и антропологические коллекции (Путеводитель 1891). Немногочисленные посетители могли осмотреть два зала музея самостоятельно, а объяснения почерпнуть из «Путеводителя».

В 1894 г. директором МАЭ становится В. В. Радлов, превративший его в один из ведущих этнографических центров мира. Музей, который создавал В. В. Радлов, по словам Л. Я. Штернберга, «не только должен дать полную картину отдельных культур самых различных народов, но вместе с тем должен представить все фазы процесса развития и распространения общечеловеческой культуры. Таким образом, территория научного ведения музея — вся эйкумена человека, живой объект изучения — все народы земли» (Матвеева 2014: 49).

В 1898 г. археологические и антропологические собрания МАЭ разместили в здании Музейного корпуса Академии наук, где они были доступны по специальным запросам только ученым. Оба зала музея во Флигеле в Таможенном переулке занимали этнографические коллекции. Впервые демонстрировались публике переданные в музей коллекции цесаревича Николая Александровича, приобретенные им во время путешествия на Восток в 1890–1891 гг., а также болгарские коллекции, подаренные императору Александру II в 1880 г. (Путеводитель 1898). Научное и систематическое распределение коллекций из-за нехватки помещения было невозможно. Для того чтобы дать возможность публике ориентироваться на экспозиции, в новом «Путеводителе» все экспонаты были сгруппированы по географическому принципу. Рядом с экспонатами были размещены указатели, позволявшие найти описание предмета на нужной странице «Путеводителя».

С 1899 г. стали практиковать не только индивидуальное посещение музея, но и групповое. Объяснителями выступали сотрудники музея. С января 1899 г. в МАЭ был введен «Экскурсионный журнал» — специальная тетрадь, в которой фиксировались группы, посещавшие музей. На первых порах в этих книгах указывалась дата посещения, количество человек, учреждение и сопровождающий группу (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 36).

В 1901 г. в ведение МАЭ были переданы два зала на первом этаже Флигеля по Таможенному переулку, и к 200-летию Санкт-Петербурга 3 декабря 1903 г. в четырех залах первого и второго этажей открылся обновленный Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Станюкович 1978: 148). Навигация по музею объяснялась в «Путеводителе»: в какой последовательности посетители должны осматривать залы и шкафы, как правильно читать тексты (Путеводитель 1904). Несмотря на расширение экспозиционных площадей, для осмотра публике по-прежнему были доступны только этнографические коллекции: Южная и Северная Америка, Азия, Индонезия, Африка, Австралия, Океания и коллекции по буддизму. Для того чтобы сделать как можно больше коллекций доступными для обозрения публикой, руководство музея приняло решение устраивать выставки вне его стен (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 59. Л. 48).

В ноябре-декабре 1906 г. в Большом конференц-зале Академии наук состоялась «Очередная выставка новых поступлений». Археологические находки (каменные орудия и керамика, фотографии, модель стоянки) из неолитической стоянки у с. Пыры и с. Выселок (Нижегородская область, раскопки В. И. Каменского), а также кальки с фресок развалин буддийских монастырей Кучинского оазиса (Восточный Туркестан — Экспедиция Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии М. М. Березовского) были представлены в небольшом помещении перед Конференц-залом. Среди этнографических собраний демонстрировались коллекции Н. И. Воробьева, собранные в 1906 г.; коллекции Хатангской экспедиции, часть коллекции В. И. Анучина по енисейским осяткам и др. На выставке использовалось разнообразное оборудование: витрины, шкафы, щиты и специальные ступенчатые полочки, выделявшие основной и вспомогательный экспонаты. Например, на одном из щитов был представлен долганский шаманский костюм, шаманские барабаны, а на полочке вокруг поставлены фигурки разных духов. В центре зала разместили несколько моделей тунгусских жилищ и тунгусскую ловушку на зайцев, летних песцов и прочих мелких зверей. Уникальный образец полинезийской тапы — огромный кусок длиной 80 аршин (более 50 м) и шириной 6 м — демонстрировался в растянутом виде, рядом с ней — деревянный полуцилиндр и колотушка для изготовления тапы. Коллекция А. В. Журавского рассказывала о культуре и быте старообрядцев Печоры и Мезени. В витринах и шкафах были выставлены оружие и приспособления для охоты и рыбалки, земледельческие орудия, женская одежда и головные уборы, флюгера с судов и изб, отдельно — деревянные расписные сани с фигурой богатой женщины из Мезени, модель речного судна, пара саней. Скалки, рубила, вальки, а также домашняя утварь и посуда были разложены на столах. Отдельно демонстрировался мир детства: на столе — игрушки (тряпичные куклы, трещотки, саночки с конями, кукольная кровать с перинами и подушками), на подставке — деревянные кони и пильщики, на щите — детские лук и затупленные стрелы, на полу — детские саночки и коляски в виде лошадей и долбленое дерево-седунка для детей, начинающих ходить. Специально к открытию выставки издали путеводитель, позволявший посетителям знакомиться с ней самостоятельно (Очередная выставка... 1906).

В 1909 г. на средства Попечительского совета была проведена надстройка третьего этажа Флигеля (Решетов 2008). К 240-летию Петра Великого В. В. Радлов решил вернуть МАЭ коллекции Императорского кабинета Кунсткамеры, в то время хранившиеся в Эрмитаже, и открыть во вновь надстроенном этаже новую экспозицию «Галерея Петра Великого» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 63. Л. 230–231). Два с половиной года музей был закрыт для публики и открылся в мае 1912 г. обновленным. Экспозиция 1912 г. показывала духовную и материальную культуру народов. Экспонаты демонстрировались согласно их научной ценности, а не по эффективности внешнего вида, как до этого. Предметы расставлялись в витринах так, что любой экспонат можно было в любое время вынуть из шкафа, не нарушая общей картины экспозиции.

В июне 1917 г. в связи с угрозой наступления на Петроград немецко-австрийских войск МАЭ закрыли для публики, коллекции подготовили для эвакуации в Москву в Грановитую палату (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 71. Л. 71-74об.). Эвакуация не состоялась, и в октябре 1918 г. музей вновь открылся для публики.

В начале XX в. сформировался костяк постоянных посетителей МАЭ, среди которых были самые разные учреждения: от учебных заведений до благотворительных организаций. В Санкт-Петербургском филиале Архива РАН хранятся многочисленные письма-заявки с просьбой организовать групповое посещение музея. В. В. Радлов, упоминая о задачах музея, писал, что МАЭ может «удовлетворять одинаково как чисто научным требованиям, так и практическим запросам в области популяризации знаний. Для ученого Музей — лаборатория, в которой он находит научно подобранный материал по тому или иному вопросу физической и расовой антропологии, археологии, материальной культуры, истории первобытного искусства, религии и т. д. Учебные заведения всех типов, начиная с Университета и кончая низшими и воскресными школами, находят в Музее незаменимую иллюстрацию и наглядное дополнение к теоретическим знаниям по географии и истории, вынесенным из школьного преподавания. Наконец, широкие массы народа находят в Музее поучительный и морально воспитательный материал в наглядных образцах развития культуры и жизни народов» (СПбФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 92).

Идейными вдохновителями просветительской работы становятся Е. Л. Петри и Л. Я. Штернберг. Под руководством Л. Я. Штернберга в МАЭ открываются курсы лекций-бесед по этнографии, основанных на материалах музея, для педагогов и руководителей Смоленской школы рабочих, курсы лекций учителям средней школы, студентам географического кружка при Петербургском университете. В это же время при МАЭ организуются курсы лекций по эволюции верований для слушателей Педагогического института (Штернберг 1928: 43). В начале XX в. учебные заведения начинают рассматривать посещение учащимися музеев как часть образовательной программы (Отчет С.-Петербургского... 1910). МАЭ сотрудничал со многими учебными заведениями: Василеостровской женской гимназией, гимназией Л. С. Таганцевой, гимназией К. Мая и многими другими (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 36). Посещение МАЭ было включено в программу сельскохозяйственных курсов Н. А. Барташевича и курсов при Мраморном дворце (Краткие сведения... 1915). При музее организуются кружки для рабочих, участникам которых читались лекции на экспозициях МАЭ. Музей посещали не только жители Санкт-Петербурга, но и группы, специально приезжавшие из разных уголков России.

В труднейшие для страны годы Первой мировой войны МАЭ продолжал работать. Летом 1917 г. посещение музея даже было вписано в программу обучения в Первом петроградском матросском университете (Куликовский 1917).

Традиции экскурсионной и лекционной работы, заложенные в этот период, в дальнейшем были развиты. Изменения, произошедшие в государственном строе, экономике и культуре России после Октябрьской революции 1917 г., приводят к корректировке просветительской и научной работы музеев. В феврале 1919 г. в Петрограде на I Всероссийской конференции по делам музеев основной задачей музеев определено использование своих собраний для развития науки и коммунистического воспитания народа. Как формы взаимодействия с посетителями выделены экскурсия и публичная лекция (Музееведческая мысль 2010: 465). Музеи по-прежнему должны были изучать свои коллекции и просвещать своих посетителей, но важным нововведением стало идеологизирование просветительской миссии музея. Массовость охвата аудитории стала одним из главных критериев работы музея.

Л. Я. Штернберг в этот период определял цель МАЭ в «представлении, наряду с изображением общечеловеческой культуры в ее современном этнографическом распространении, также и картину ее эволюции во времени и картину ее типологических феноменов. Антропологический материал дает возможность представить физическую эволюцию человека как особого вида на зоологической лестнице и картину его расовых разновидностей» (Михайлова 2021: 27). В 1924 г. МАЭ получает в свое распоряжение полностью историческое здание Кунсткамеры: экспозиционные площади музея увеличились в 2,5 раза. Старший этнограф Л. Я. Штернберг, ученые хранители В. Г. Богораз, Б. Н. Вишневский, С. М. Дудин, И. И. Зарубин, В. М. Лемешевский, А. М. Мерварт, Э. К. Пекарский совместно со студентами этнографического отделения универси-

тета за короткий срок преобразовали музейные экспозиции (Итс 1980: 94). На первом этаже открылись экспозиции Южной, Северной и Центральной Америки, Сибири и Севера Европы, а также Африки. Несколько небольших залов были заполнены предметами культа: в полном облачении представлены фигуры шаманов народов Сибири, выставлены принадлежности камлания. Отдельная экспозиция демонстрировала образцы письменности, искусства и орнаментов народов Севера: чукчей, эскимосов, алеутов и коряков. Второй этаж занимали экспозиции буддизма, Дальнего Востока, Передней и Средней Азии, Индии, Индонезии, Австралии и Океании. Вдоль лестницы при входе на второй этаж были выставлены тибето-монгольские иконы и яванские барельефы со сценами из жизни Будды. На третьем этаже размещалась Галерея Петра Великого, библиотека, отделы доисторической археологии, антропологии, древностей Восточного и Западного Туркестана. В отделе антропологии демонстрировались коллекции, показывавшие эволюцию физических признаков человека и основные расовые признаки, онтогенез (индивидуальное развитие человека), тератологические коллекции из собраний Кунсткамеры. При этом законы роста человеческого тела по традициям построения экспозиций того времени иллюстрировались схемами и скелетами великана, нормальных людей, карлика. Были представлены таблицы по расовым особенностям роста человека и их географическому распространению (Музей антропологии и этнографии... 1925). Анатомическая коллекция Ф. Рюйша на экспозиции 1925 г. не демонстрировалась. Новая экспозиция должна была служить не только специалистам, но и широкой публике.

К открытию новых экспозиций был подготовлен путеводитель под редакцией Л. Я. Штернберга, включавший в себя не просто планы музея и описание экспозиций, но и краткий очерк истории МАЭ и изложение основных его задач.

Открытие новой экспозиции приурочили к юбилейным торжествам, посвященным 200-летию Академии наук. Для гостей юбилейных мероприятий проводились специальные экскурсии (Котин и др. 2018).

Конец 1920-х — начало 1930-х годов — время коренного пересмотра деятельности музеев, вызванного новой общественно-политической ситуацией в стране: провозглашением курса на ускоренное строительство социализма, усилением тоталитарного режима, утверждением командно-административной системы. Сразу несколько документов конца 1920-х годов закрепляют новые принципы работы музея. 20 августа 1928 г. выходит Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О музейном строительстве», провозгласившее музеи центрами пропаганды. Циркуляр Наркомпроса РСФСР, выпущенный в апреле 1929 г., закреплял, что музеи — «орудия социалистического воспитания масс, обязаны пропитывать классовым содержанием всякую деталь своей текущей строительной работы, бороться с попытками сводить ее к простому культурничеству без достаточного четкого проведения... классовой линии». На этнографические музеи возлагалась особая задача по классовому воспитанию советского человека (Станюкович 1981). В апреле 1929 г. прошло совещание этнографов Москвы и Ленинграда в ГАИМК для обсуждения путей развития этнографической науки и этнографических учреждений. На совещании были предложены две модели развития и построения этнографического музея: Б. Г. Крыжановского и Б. Н. Соколова. Б. Г. Крыжановский называл основными исследовательскую, хранительскую и просветительскую функции. При этом они должны быть неразрывны, а приоритетной считается исследовательская работа (НА МАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 128). Модель, предложенная Б. Н. Соколовым, провозглашала основным принципом деятельности этнографического музея полезность его коллекций строящему социализму государству. Главной функцией такого этнографического музея становилась просветительная. Резолюция съезда закрепляла за этнографическими музеями звание политико-просветительных учреждений. I Музейный съезд провозгласил проведение реэкспозиции музеев с учетом требований марксистской идеологии. Таким образом, в начале 1930-х годов МАЭ нужно было стать «наглядным учебником исторического материализма и истории развития общества на основе показа докапиталистических социально-экономических формаций в их конкретных вариантах <...> показать политику империалистических государств» (Шангина 1997: 80).

В конце 1920-х годов по инициативе Л. Я. Штернберга создается отдел типологии и эволюции культуры, ставивший своей целью представление основных элементов человеческой культуры при помощи системы периодических выставок на различные культурно-исторические темы в сравнительно-этнографическом аспекте (Матвеева 2012: 23). Эти выставки впоследствии должны были стать материалом для новых постоянных экспозиций. Для создания выставок могли использоваться предметы из фондов и экспонаты с основных экспозиций, которые выдавались на срок не более одного-двух месяцев и при условии, что их выемка не нарушает экспозицию (НА МАЭ РАН Ф. К-VI. Оп. 1. Ед. хр. 3). На выставках отдела эволюции и типологии использовались в больших количествах таблицы, карты, чертежи, рисунки, диаграммы, фотографии, модели и муляжи. Они сопровождалась докладами и лекциями, иллюстрировались краткими путеводителями. Наиболее удобным временем открытия выставок считался май, так как именно в этот период посещаемость музея достигала максимума, а также были самые благоприятные условия освещения. Отдел эволюции подготовил несколько выставок: «Первобытные орудия и оружия», «Типы жилищ», «История одежды», «Огонь в истории культуры», «Домашняя утварь», «Средства передвижения», «Жизнь ребенка в свете этнографии». Часть проектов так и не была реализована. Последние выставки, подготовленные отделом, — «Экономические и общественные корни искусства» (1929) в МАЭ и «Антирелигиозная выставка» (1930) в Эрмитаже (Михайлова 2021).

Значимым событием в выставочной и просветительной жизни МАЭ стала выставка «Театр народов Востока», открывшаяся в марте 1927 г. в Большом Конференц-зале Академии наук. Она была приурочена к 15-летию юбилею Государственного института истории искусств и представляла 27 типов театров: Япония, Китай, Монголия и Тибет, Сиам, Индонезия, Цейлон и Индия, Туркестан, Персия и Турция. Партнерами проекта выступали Русский музей, Библиотека и Архив Академии наук. Был издан путеводитель по выставке, представлявший собой сборник кратких очерков о театрах. Среди посетителей выставки были преподаватели, студенты и театралы. Объяснителями выступали слушатели и слушательницы Государственного института истории искусств. Прямо на выставке среди экспонатов организовали цикл лекций, в доступной форме излагающий историю театра разных стран, связь театра с другими элементами культуры, технику отдельных родов театра, демонстрировались диапозитивы. Ежедневно выставку посещали около 200 человек (Станюкович 1978: 162).

В 1932 г. в помещениях ликвидированной Петровской галереи открывается зал первобытного коммунизма — экспозиция, посвященная культуре австралийцев и андаманцев (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1931). Ед. хр. 5). Выставки МАЭ создаются с внедрением новаторских методов, не применявшихся еще ни в одном музее. Например, при показе некоторых экспонатов использовалась кинотехника (демонстрация яванского теневого театра, японского театра и т. д.).

К концу 1930-х годов принимается решение об обновлении экспозиций МАЭ. Недостаточно яркий показ классово-борьбы, идеализация шаманства и т. п. было названо главными недостатками существующих экспозиций, поэтому научные отделы принимаются за разработку концепций новых экспозиций. В их основе лежал принцип исторического марксизма. Планам реэкспозиции помешала Великая Отечественная война. Экспозиции музея были свернуты. Вновь для публики МАЭ открылся только в июне 1945 г. выставкой, посвященной 220-летию юбилею Академии наук.

В 1920-е годы экскурсия рассматривалась как инструмент агитации и пропаганды. В МАЭ для проведения обзорных экскурсий привлекались все штатные сотрудники. Еще в октябре 1918 г. Л. Я. Штернберг обратился в Наркомпрос: «Считаю, что в каждом учебном заведении должны иметься лица, специально знакомые с Музеем этнографии, а также что отдел внешкольного образования должен подготовить кадры объяснителей в Музее этнографии» (Станюкович 1986: 88). С 1919 г. заведующие отделами МАЭ стали проводить заседания, на которых характеризовали свои коллекции, т. е. все сотрудники музея могли познакомиться с коллекциями и по возможности делиться своими знаниями с посетителями. В начале 1920-х годов при музее была создана «Особая

комиссия по подготовке объяснителей музейных собраний» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1933). Ед. хр. 1). В качестве экскурсоводов приглашали студентов географического и этнографического факультетов Ленинградского университета. Сотрудники МАЭ проводили занятия и принимали на практику студентов разных вузов (ЛГУ, ЛГИЛИ). Календарный план экскурсий в музеи в 1920-е годы составляли сотрудники Центральной экскурсионной базы под руководством Э. В. Краснухи (Березина 2015: 89), впоследствии возглавившей Научно-просветительный отдел МАЭ. В 1927 г. Э. В. Краснуха разработала для руководителей экскурсий по Ленинграду «Красный календарь» — список памятных дат и праздников, к которым можно приурочить ту или иную экскурсию: день смерти В. И. Ленина, День Октябрьской революции, День Красной армии. Считалось, что благодаря красочности экспонатов такие экскурсии приносили больше пользы, чем обычный доклад. Так, Э. В. Краснуха предложила МАЭ к 8 марта (Международный день работницы) такие темы экскурсий — «Женщины Востока в прошлом и настоящем», «Женщина прежде и теперь», «Воспитание детей у разных народов», ко Дню интернационала (1 Мая) — экскурсии, рассказывающие о положении трудящихся в странах Востока, размахе классовой борьбы и творческих силах, таящихся в пролетариате (Краснуха 1927: 42).

Экскурсии были важным звеном в школьном обучении и включались в образовательный план. Среди музеев, проводящих для школьников общеобразовательные экскурсии, у МАЭ самый значительный перечень тем — 18 (у Эрмитажа и Русского музея — по десять) (На экскурсию... 1926).

Э. В. Краснуха называла экскурсию чтением интереснейшей «книги вещей», цель которой не иллюстрация лекции наглядным материалом, а поиск ответов на запросы из чтения «книги вещей». Перед экскурсоводами ставилась задача проводить на одном и том же материале целый ряд экскурсий, отвечавших на различные запросы (Краснуха 1927: 29). Важной задачей стало написание методических пособий, так как, по словам Э. В. Краснухи, «одно дело знать материал, о котором говоришь экскурсантам, а другое — так преподносить это знание, чтобы оно легко и незаметно становилось достоянием слушателей» (Краснуха 1927: 3). В 1926 г. увидел свет «Сборник экскурсионных материалов по Музею антропологии и этнографии» под редакцией В. К. Ибах. Его авторами выступили преподаватели-географы по экскурсионной переподготовке при Центральной школьной станции СОЦВОСА. Сборник содержал подробные сведения об экспозициях МАЭ, примеры тематических экскурсий по разным залам (Сборник экскурсионных материалов... 1926). Начиная с 1930-х годов при создании каждой новой выставки или экспозиции научные сотрудники Института этнографии, курировавшие работу, занимались разработкой методического пособия.

Кроме проверенных жизнью форм культурно-просветительской работы, на базе МАЭ совместно с Радиоузлом был реализован Ленинградский первый рабоче-крестьянский радиоуниверситет, позволивший многим жителям глубинных районов СССР получить «заочные» знания (Соболева 2017). Проект предполагал разработку методики заочного обучения по радио и связь Радиоуниверситета с музеями как наглядными пособиями. Лекции разрабатывались в расчете на два круга слушателей: «квалифицированные грамотные рабочие» и «менее развитый сельский слушатель». Продолжительность одной лекции составляла 40 минут. Предполагалось передавать по радио пять лекций в неделю (Соболев 1989). По каждому радиофакультету был составлен список экскурсий, которые могли посетить слушатели.

В 1930-е годы при МАЭ организовали лекторий. Он занял помещения Петровской галереи на третьем этаже Флигеля по Таможенному переулку. Сотрудники Института этнографии АН СССР читали лекции общедоступного характера, в том числе опираясь на коллекции МАЭ.

В 1933 г. в МАЭ создали отдел политпросветработы (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1933). Ед. хр. 15). Долгие годы его руководителем была Э. В. Краснуха (НА МАЭ РАН. Ф. К-1. Оп. 7. Ед. хр. 5. Л. 122–169). Выездная секция культурного строительства, состоявшаяся в помещении Института этнографии 19 апреля 1933 г., возложила на МАЭ важные задачи по организации работы с посетителями, передаче научных знаний широкой публике, коммунистическому воспитанию

посетителей посредством экспозиций и выставок, лекций, экскурсий и других культурно-массовых мероприятий. Политпросветотдел участвовал в выставочной и экспозиционной работе, отвечал за оформление входной зоны музея и идейное содержание этикетажа (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1933). Ед. хр. 15).

В 1933 г. происходит перераспределение помещений в здании Института этнографии: коллекции по культуре и быту Южной Америки вынесены из Круглого зала на первом этаже и оборудовали там Зал заседаний, который стали использовать для проведения занятий (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1933). Ед. хр. 15). Начинает развиваться кружковая работа: при МАЭ организован кружок «Друзья музея», в который входили школьники, интересующиеся этнографией.

К концу 1930-х годов в МАЭ были наработаны определенные традиции в работе с посетителями: проводились экскурсионно-лекционная работа, функционировал Радиоуниверситет, издавались путеводители. В 1930-е годы музеи Академии наук получили статус научно-исследовательских институтов. Началась новая эпоха в их научной и просветительской деятельности.

В музеологии теория музейной коммуникации получила развитие только в конце 1960-х годов (в СССР — с 1980-х годов). Тем не менее сотрудники МАЭ с начала XX в. разрабатывали различные формы коммуникации с аудиторией для рассказа о культуре народов мира и истории первого русского государственного публичного музея. При создании новых экспозиций и временных выставок сотрудники МАЭ старались использовать новаторские для своего времени приемы и технические средства. Выполняя свою научно-просветительную миссию, музей активно сотрудничал с образовательными учреждениями. Сотрудники МАЭ вели научную работу, публиковали коллекции, разрабатывали экскурсии, вели обширную лекционную деятельность, проводили кружковую работу, делясь своим опытом с сотрудниками других музеев.

Важной формой коммуникации с посетителем стали научные издания как базис для освоения и закрепления музейной информации, прежде всего «Сборники МАЭ». Путеводители в XX в. позволяли публике осматривать экспозицию без экскурсовода, постепенно они стали выполнять функцию этикетажа, навигатора, дополнялись очерками об истории музея и коллекций. Эти издания готовились к открытию практически каждой выставки и экспозиции, имели свою стилистику и позволяли посетителям самостоятельно знакомиться с культурой народов мира. В 1927 г. был издан региональный путеводитель по МАЭ А. М. Мерварга «Отдел Индии» (1927), который заметно отличался от первых путеводителей и представлял собой научный очерк (фактически монографию).

Пропаганде и популяризации научных знаний среди широких масс способствовали издания методических материалов по научной тематике и выставкам музея. Следует отметить, что МАЭ рассылал эту литературу по заявкам организаций и учреждений бесплатно.

В годы Великой Отечественной войны музей был закрыт для публики, экспозиции свернуты. Во второй половине XX в. музейная работа в Институте этнографии АН СССР отошла на второй план, соответственно и музейная коммуникация в МАЭ хоть и продолжала развиваться, но в основном в рамках тех форм, которые были придуманы и апробированы в первой половине XX в. Анализ и описание коммуникационного процесса в академическом музее необходимы для построения современной стратегии его развития. Для исследования музейной коммуникации в МАЭ РАН необходим анализ большого объема архивных материалов, систематизация трудов сотрудников музея, изучавших различные аспекты его деятельности.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН — Академия наук

ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры

ИЭ АН СССР — Институт этнографии Академии наук СССР

ЛГИЛИ — Ленинградский государственный историко-лингвистический институт

ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МАЭ — Музей антропологии и этнографии
НА МАЭ РАН — Научный архив МАЭ РАН
СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- НА МАЭ РАН. Ф. К-VI. Оп. 1. Ед. хр. 3. Кагаров Е. Г. Основные положения к проекту реорганизации отдела эволюции и типологии культуры.
- НА МАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 128. Крыжановский Б. Г. Тезисы к докладу о задачах этнографических музеев.
- СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 36. Журнал записи экскурсий, посетивших музей.
- СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 59. Переписка (исходящая) по выдаче открытых листов на научные командировки, по участию в Конгрессе американистов и по другим вопросам.
- СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 63. Переписка (исходящая) по научным, научно-организационным и другим вопросам.
- СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 71. Переписка (входящая) по поступлению, обмену и пересылке коллекций, по посещению Музея экскурсиями.
- СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1931). Ед. хр. 5. Отчеты отделов.
- СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1933). Ед. хр. 1. Положения о музеях, отчетные сведения о работе МАЭ за 1930–1933 гг. и справочные сведения.
- СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (1933). Ед. хр. 15. Штатные расписания и сметы расходов.
- СПбФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 31. По Императорской Академии наук.
- НА МАЭ РАН. Ф. К-I. Оп. 7. Ед. хр. 5. Личные дела, карточки выбывших сотрудников Института с фамилиями от Кар — до Куз.
- Березина В. А.* «Знание — путь к коммунизму. Экскурсия — проводник знания»: экскурсия как форма досуга и просвещения петроградцев-ленинградцев в 1918–1929 годах // Вестник Пермского университета. 2015. Вып. 3 (30). С. 88–98.
- Итс Р. Ф.* Кунсткамера. Л.: Лениздат, 1980.
- Котин И. Ю., Краснодембская Н. Г., Соболева Е. С.* Экспедиции МАЭ на Цейлон в Индию в 1914–1918 гг. История. Коллекции. Научное наследие. СПб.: МАЭ РАН, 2018.
- Краснуха Э. В.* Экскурсии в партшколе: пособие для пропагандистов, агиторганизаторов и политпросветчиков. М.; Л.: Гос. издательство, 1927.
- Краткие сведения о деятельности Курсов учебно-воспитательных занятий по сельскому хозяйству и природоведению в Мраморном Дворце в Петрограде, состоящих под августейшим покровительством Его Императорского Высочества Великого Князя Константина Константиновича, и устроенного при них Петроградского низшаго Сельско-Хозяйственного Училища с педагогическим классом. Пг.: тип. Насл. А. М. Менделевича, 1915.
- Куликовский П. А.* Первый Матросский Университет Союза Солдат-Республиканцев. Пг., 1917.
- Матвеева П. А.* «Музей общечеловеческой культуры»: еще раз о роли Л. Я. Штернберга и В. В. Радлова в становлении МАЭ // Лев Штернберг — гражданин, ученый, педагог. К 150-летию со дня рождения / под ред. Е. А. Резвана. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 22–32.
- Матвеева П. А.* «Все человечество едино»: В. В. Радлов и МАЭ. СПб.: МАЭ РАН, 2014.
- Мерварт А. М.* Отдел Индии: краткий очерк индийской культуры по материалам Отдела Индии МАЭ. Л.: Изд-во АН СССР, 1927.
- Михайлова Е. А.* Временные выставки в МАЭ в 1920–1930-х гг. и неосуществленный «идеальный музей» Л. Я. Штернберга // Кунсткамера. 2021. № 2 (12). С. 25–34.
- Музееведческая мысль в России в XVIII–XX веков: сборник документов и материалов / отв. редактор Э. А. Шулепова. М.: Этерна, 2010.
- Музей антропологии и этнографии: основан в 1837 г.: [исторический очерк и путеводитель]. Л.: Изд-во АН СССР, 1925.
- На экскурсию!!! // Приложение к журналу «Спутник экскурсанта» / ред. Э. В. Краснуха, А. Ф. Бенкен. М.; Л.: Долой неграмотность, 1926.
- Отчет С.-Петербургского восьмиклассного коммерческого училища в Лесном Ведомства Министерства Торговли и Промышленности за 1907–1908 и 1908–1909 уч. годы. СПб.: [б. и.], 1910.

Очередная выставка последних поступлений Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого при Императорской Академии наук. Ноябрь-декабрь 1906 г. СПб.: тип. Императорской АН, 1906.

Путеводитель по Музею антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого. Отдел этнографический. СПб.: тип. Императорской АН, 1904.

Путеводитель по Музею Императорской Академии Наук по антропологии и этнографии. СПб.: тип. Императорской АН, 1891.

Путеводитель по этнографическому музею Императорской Академии Наук. 2-е изд. СПб.: тип. Императорской АН, 1898.

Решетов А. М. Галерея Петра I в МАЭ: история создания и закрытия // Радловский сборник: музейные исследования и научные проекты МАЭ РАН в 2007 году. СПб.: МАЭ РАН, 2008. С. 463–468.

Сборник экскурсионных материалов по Музею антропологии и этнографии АН СССР. Работа кружка преподавателей-географов / под ред. В. К. Ибах. Л.: [из-во В. К. Ибах], 1926.

Соболев В. С. Из истории деятельности академических музеев (1917–1927 гг.). Л.: ЛО ААН СССР, 1989.

Соболева Е. С. Программы по востоковедению в работе Рабоче-Крестьянского Радиоуниверситета в 1920-е годы // Петербургский Рериховский сборник. Вып. X. СПб.: СПбГМИРС, 2017. С. 148–161.

Станюкович Т. В. Этнографическая наука и музеи: по материалам этнографических музеев Академии наук. Л.: Наука, 1978.

Станюкович Т. В. Этнография и актуальные проблемы развития этнографических музеев // Советская этнография. 1981. № 1. С. 34–37.

Станюкович Т. В. Л. Я. Штернберг и Музей антропологии и этнографии (к 125-летию с рождения ученого) // Советская этнография. 1986. № 5. С. 81–91.

Шангина И. И. Этнографические музеи Москвы и Ленинграда в первые годы Советской власти (1918–1923 гг.) // Советская этнография. 1997. № 5. С. 71–81.

Штернберг С. А. Лев Яковлевич Штернберг и Музей антропологии и этнографии // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. VII. Л.: Изд-во АН СССР, 1928. С. 31–71.

Cameron D. F. A Viewpoint: The Museum as Communications System and Implication for Museum Education // Curator. 1968. Vol. 11 (1). P. 33–40.

REFERENCES

Berezina V. A. “Znanie — put’ k kommunizmu. Ekskursiia — provodnik znaniia”: ekskursiia kak forma dosuga i prosveshcheniia petrogradtsev-leningradtsev v 1918–1929 godakh [“Knowledge is the Way to Communism. Excursion is a Conductor of Knowledge”: Excursion as a Form of Leisure and Education for Petrograd-Leningraders in 1918–1929]. *Vestnik Permskogo universiteta*, 2015, no. 3 (30), pp. 88–98. (In Russian)

Cameron D. F. A Viewpoint: The Museum as Communications System and Implication for Museum Education. *Curator*, 1968, no. 11 (1), pp. 33–40.

Its R. F. *Kunstkamera*. Leningrad: Lenizdat, 1980. (In Russian)

Kotin I. Yu., Krasnodembskaia N. G., Soboleva E. S. *Ekspeditsii MAE na Tseilon v Indiiu v 1914–1918 gody. Istorii. Kollektii. Nauchnoe nasledie* [Expeditions of the MAE to Ceylon in India in 1914–1918. Story. Collections. Scientific Heritage]. St. Petersburg: MAE RAN, 2018. (In Russian)

Matveeva P. A. “Muzei obshchechelovecheskoi kul’tury”: eshche raz o roli L. Ya. Shternberga i V. V. Radlova v stanovlenii MAE [“Museum of Human Culture”: Once Again about the Role of L. Ya. Sternberg and V. V. Radlov in the Development of the MAE]. *Lev Shternberg — grazhdanin, uchenyi, pedagog. K 150-letiiu so dnia rozhdeniia* [Lev Sternberg is a Citizen, Scientist, Teacher. To the 150th Anniversary of his Birth.]. Ed. by E. A. Rezvan. St. Petersburg: MAE RAN, 2012, pp. 22–32. (In Russian)

Matveeva P. A. “Vse chelovechestvo edino”: V. V. Radlov i MAE [“All Mankind is One”: V. V. Radlov and MAE]. St. Petersburg: MAE RAN, 2014. (In Russian)

Mervart A. M. *Otdel Indii: kratkii ocherk indiskoi kul’tury po materialam Otdela Indii MAE* [Department of India: a Short Essay of Indian Culture Based on the Materials of the Department of India of the MAE]. Leningrad: Izdatel’stvo Akademii nauk SSSR, 1927. (In Russian)

Mikhailova E. A. Vremennye vystavki v MAE v 1920-1930-kh godakh i neosushchestvlenyi “ideal’nyi muzei” L. Ya. Shternberga [Temporary Exhibitions in the MAE in the 1920-1930s Years and the Unrealized “Ideal Museum” of L. Ya. Sternberg]. *Kunstkamera*, 2021, no. 2 (12), pp. 25–34. (In Russian)

Muzevedcheskaia mysl' v Rossii XVIII – XX vekov: sbornik dokumentov i materialov. [Museological Thought in Russia in the 18 – 20th Centuries: Digest of Documents and Materials]. Ed. by E. A. Shulepova. Moscow: Izdatel'stvo "Eterna", 2010. (In Russian)

Muzei antropologii i etnografii: osnovan v 1837 godu: [istoricheskii ocherk i putevoditel'] [Museum of Anthropology and Ethnography: founded in 1837: [historical essay and guide]. Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1925. (In Russian)

Reshetov A. M. Galereia Petra I v MAE: istoriia sozdaniia i zakrytiia [Gallery of Peter I at the MAE: the History of Creation and Closing]. *Radlovskii sbornik: muzeinye issledovaniia i nauchnye proekty MAE RAN v 2007 godu.* St. Petersburg: MAE RAN, 2008, pp. 463–468. (In Russian)

Shangina I. I. Etnograficheskie muzei Moskvy i Leningrada v pervye gody Sovetskoi vlasti (1918 – 1923 gody) [Ethnographic Museums of Moscow and Leningrad in the First Years of Soviet Power (1918–1923)]. *Sovetskaia etnografiia*, 1997, no. 5, pp. 71–81. (In Russian)

Shternberg S. A. Lev Yakovlevich Shternberg i Muzei antropologii i etnografii [Lev Yakovlevich Sternberg and the Museum of Anthropology and Ethnography]. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii* [Digest of the Museum of Anthropology and Ethnography], vol. 7. Leningrad: izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1928, pp. 31–71. (In Russian)

Sobolev V. S. *Iz istorii deiatel'nosti akademicheskikh muzeev (1917–1927 gody)* [From the History of Academic Museums (1917–1927)]. Leningrad: LO AAN SSSR, 1989. (In Russian)

Soboleva E. S. Programmy po vostokovedeniiu v rabote Raboche-Krest'ianskogo Radiouniversiteta v 1920-e gody [Oriental Studies Programs in the Work of the Workers' and Peasants' Radio University in the 1920s Years]. *Peterburgskii Rerikhovskii sbornik*, no. 10. St. Petersburg: SPbGMIRS, 2017, pp. 148–161. (In Russian)

Staniukovich T. V. *Etnograficheskaia nauka i muzei: po materialam etnograficheskikh muzeev Akademii nauk* [Ethnographic Science and Museums: Based on the Materials from the Ethnographic Museums of the Academy of Sciences]. Leningrad: Nauka, 1978. (In Russian)

Staniukovich T. V. Etnografiia i aktual'nye problemy razvitiia etnograficheskikh muzeev [Ethnography and Current Problems of the Development of Ethnographic Museums]. *Sovetskaia etnografiia*, 1981, no. 1, pp. 34–37. (In Russian)

Staniukovich T. V. L. Ya. Shternberg i Muzei antropologii i etnografii (K 125-letiiu s rozhdeniia uchenogo) [L. Ya. Shternberg and the Museum of Anthropology and Ethnography (On the Occasion of the 125th Anniversary of the Birth of the Scientist)]. *Sovetskaia etnografiia*, 1986, no. 5, pp. 81–91. (In Russian)

Submitted: 14.06.2022

Accepted: 30.08.2022

Published: 10.10.2022